въ Богѣ, но это дается только въ мѣру достигнутой простоты и дѣтскости. Необходимость побѣждаемъ мы только тогда, когда ея не боимся, когда она перестаетъ для насъ существовать, разлетаясь, какъ туманъ. И вмѣсто запутаннаго лабиринта жизни, вмѣсто слѣпой и властной сложности, въ душѣ воцаряется дѣтская довѣрчивость, ясность, простота. Но она не дается даромъ, она достигается борьбой съ собой, т. е. въ себѣ съ міромъ. Менѣе героическая и болѣе скромная по результатамъ, и здѣсь она все-таки требуетъ напряженія силъ души. Борьба эта затихаетъ только или вверху, или внизу: на вершинахъ святости и въ низинахъ животности или религіозной непробужденности.

Христосъ спасъ людей отъ этого плѣна у „князя міра сего", отъ міровой механической необходимости, въ которой человѣкъ чувствовалъ себя только вещью и не находилъ силъ вырваться изъ этой вещности. Христосъ осуществилъ въ Себѣ эту свободу, явилъ новаго Адама, духовнаго, свободнаго человѣка, и путь свободы, хотя лишь въ борені, подъ тяжестью креста, указалъ Своимъ послѣдователямъ. И въ этомъ смыслѣ жизнь Церкви есть эта христіанская свобода въ постоянномъ осуществленіи.

VI.

Религіозная истина сверхразсудочна и потому антиномична. Христіанство приводитъ къ ряду разсудочныхъ антиномій, не даромъ разсудочное мышленіе Толстого, отвращавшееся отъ антиномизма и неспособное его осмыслить, явно удаляетъ его отъ христіанства. Полнота религіозной истины не вмѣщается въ нашъ „эвклидовскій" разумъ, и, когда онъ пытается охватить ее, она ускользаетъ, превращаясь въ свою противоположность. Притомъ остаются вѣрны оба члена антиноміи, и не только какъ двѣ антитезы для готоваго и напрашивающагося синтеза (Гегелевское противорѣчіе не есть антиномія), но въ окончательной несогласуемости, приводящей въ логическій тупикъ, который можно только констатировать и нельзя даже по-Кантовски „разъяснить". Сказанное вполнѣ примѣнимо и къ занимающему насъ вопросу объ отношеніи христіанства къ міру. Христіанство научаетъ бѣжать отъ міра, какъ отъ зла, но въ то же время именно оно освя-